

Только раз бывает в жизни встреча

Оркестр Олега Лундстрема впервые выступил с Николаем Петровым и Любовью Казарновской

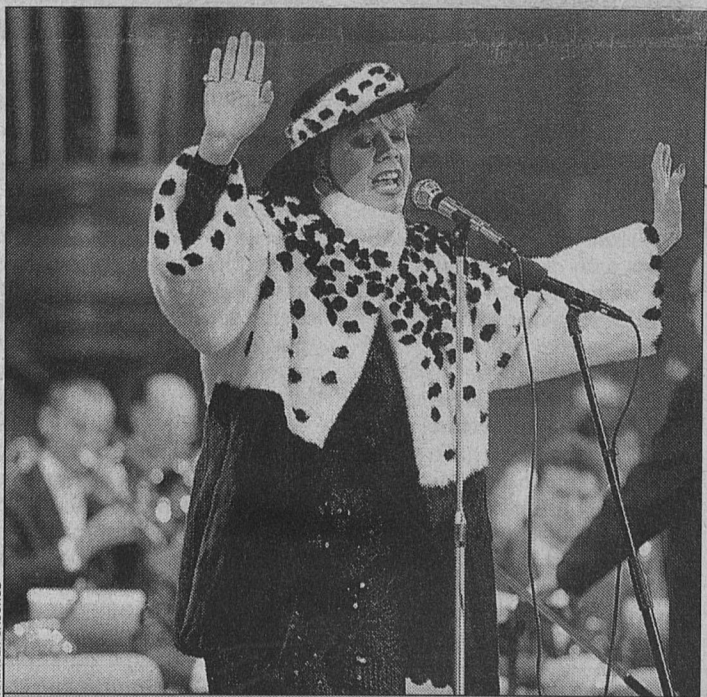
Встреча представителей двух музыкальных конфессий состоялась по причине 100-летия Джорджа Гершвина, без конца отмечающегося последнее время. За этот юбилейный год великий американец-самоучка оказался почти причислен к лику наших национальных гениев — ни один концерт в честь Гершвина не обходился без упоминания об его одесских корнях. Так что программа, с успехом отшумевшая 15 ноября в Большом зале консерватории и представившая музыку Гершвина в специфически российском ее изводе, была хоть и странна, но ожидаема.

На сцене лучшего и знаменитейшего, оваянного славой и историей зала Москвы с достоинством восседал оркестр Олега Лундстрема — тоже вполне легендарный и гордящийся своим долгим жизненным путем. А на фоне оркестра появлялись самые разные персонажи, как в старинном ателье фотографа примеряя на себя его усталую веселость. Единственным, кому она действительно пошла, оказался известный далеко за пределами нашей родины саксофонист Игорь Бутман. Его превосходство над остальными солистами было настолько неоспоримо (хотя бы потому, что никто другой по-настоящему не владел искусством вполне уместной на подобном мероприятии джазовой импровизации), что долгих доказательств не потребовалось: один номер и участие в некоем подобии джем-сейшна — вот и все, чем порадовал он восторженную аудиторию.

Остальные радости были сомнительнее. Не сильно выделяясь и скучновато соответствуя общему настроению, сыграл одну вещь аккордеонист Владимир Данилин. Отчего-то спел песни три советника шведского посла Рольф Эйдем. Сыпал ни к чему не обязывающими фразами элегантно ведущий Алексей Баташов. Но генеральная идея проекта была в другом — в упомянутом уже слиянии джаза и классики. Оркестр заиграл коряво переложенную

для него «Рапсодию в блюзовых тонах», продирижировать ее самостоятельно вышел патриарх отечественного джаза Олег Лундстрем (остальное время за пультом стоял Владислав Кадерский), засияла улыбка солирующего Николая Петрова, а сопрано Любовь Казарновская, надев брючный костюм с блестками, запела в грубо настроенный микрофон бессмертные мелодии и активно задвигала красиво обтянутыми бедрами.

Сама по себе идея взаимодействия разных музыкальных языков не нова и может поразить разве что самого наивного слушателя. Чтобы претендовать на интерес более искушенного меломана, хорошо бы, например, чтобы обе музицирующие стороны отдавали себе отчет в своей разности и самостоятельности, имели, что друг другу сказать, а не делали вид, что все они варятся в одном и том же общемусыкальном котле. К чести Николая Петрова, это ему удалось — неряшливые, но романтические виртуозные пассажи и задумчиво-прозрачные завитки его фортепианной партии хорошо оттеняли легкомысленную налаженность оркестрового звука. Что же касается Казарновской, то удачные внешние данные, похоже, совсем вскружили голову певице, и, не очень озабочаясь специальной подготовкой, она решила исполнить все свои детские мечты и за раз выступить в роли эстрадной звезды, манекенщицы и танцовщицы. Оперная статья была отброшена, о выразительности главного оружия, которое должна пускать в ход певица, — голоса — нечего было и мечтать. Вместо этого собравшихся чаровали панибратским отношением к исполняемой музыке. Напускная раскрепощенность и неловкая пластика, вовсе не соответствующая старому доброму гершвиновскому джазу, вызывали смущение и вопрос — откуда такое неуважение к чужой, почти столетней традиции, откуда уверенность в том, что ей так легко научиться, что в нее можно влезть, лишь по сильнее качнув бедром?

Жаркие телодвижения Любови Казарновской на сцене консерватории были не более уместны, чем ее итальянская шубка от магазина-спонсора